

Шпилька / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу
написано кітарсу | 24 января, 2025
Шпилька / рассказ ШПИЛЬКА

Не назову ни местности, ни имени героя. Это случилось далеко, очень далеко отсюда, на цветущем и знойном морском побережье. Я шел с утра по берегу, покрытому зелеными всходами, у голубого моря, залитого солнцем. Цветы росли почти у самых волн – легких, тихих, баюкающих волн. Стояла жара, но знойный воздух был мягок и пропитан ароматом тучной, сырой и плодородной земли; казалось, что вдыхаешь испарения прорастающих зерен.

Мне сказали, что на ночь я найду себе приют в доме одного француза, живущего на конце мыса в апельсиновой роще. Кто был он? Этого я не знал. Он появился в одно прекрасное утро, десять лет назад, купил участок земли, насадил виноградники, посеял хлеб; этот человек работал со страстью, с каким-то неистовством. Из месяца в месяц, из года в год расширял он свое владение, непрерывно оплодотворяя могучую и девственную почву, и успел неустанными трудами скопить себе порядочное состояние.

Тем не менее он, как говорили, продолжал работать по-прежнему. Вставая на заре, он до поздней ночи обходил поля и сам надзирал за всем; казалось, его преследует неотступная мысль, мучит ненасытная жажда богатства, которую ничто не может утолить, ничто не может успокоить.

Говорили, что теперь он очень богат.

Солнце уже заходило, когда я добрался до его жилища. Дом действительно находился на конце мыса среди апельсиновых деревьев. Это было обширное и очень простое по архитектуре квадратное здание, возвышающееся над морем.

Когда я подошел к дому, на пороге появился человек с большой бородой. Поздоровавшись, я попросил у него разрешения переночевать. Он с улыбкой протянул мне руку:

– Входите, сударь, и располагайтесь, как дома.

С полной непринужденностью, с привычной любезностью светского человека он провел меня в одну из комнат, предоставил в мое распоряжение слугу и покинул меня, сказав:

– Обедать мы будем, как только вы спуститесь вниз.

И мы действительно пообедали с ним вдвоем на террасе, выходящей на море. Вначале я говорил об этом крае, столь богатом, столь далеко, столь неизведанном. Он улыбался и отвечал мне рассеянно:

– Да, это прекрасная страна. Но ни одна страна не может нравиться вдали от любимых мест.

– Вы скучаете по Франции?

– Я скучаю по Парижу.

– Почему же вы не вернетесь туда?

– О, я еще вернусь!

И разговор незаметно перешел на французское общество, на жизнь парижских бульваров и вообще на парижские темы. Он расспрашивал меня с видом человека, которому все это было близко знакомо, называл имена, хорошо известные завсегдаям Водевиля.

– Кого теперь можно встретить у Тортони?

– Да все тех же, исключая умерших.

Я внимательно приглядывался к нему, преследуемый Смутным воспоминанием. Конечно, я где-то видел это лицо! Но где? Но когда? Казалось, он был измучен, несмотря на крепкое здоровье, и печален, несмотря на бодрый вид. Пышная белокурая борода спадала ему на грудь; время от времени он забирал ее в руку у подбородка и, сжав, пропускал сквозь пальцы. У него была небольшая лысина, густые брови и длинные усы, сливавшиеся с растительностью на щеках.

Позади нас солнце опускалось в море, озаряя огненной дымкой прибрежные скалы. Цветущие апельсиновые деревья струили в вечернем воздухе резкий и восхитительный аромат. Но он не замечал ничего, кроме меня, и, напряженно всматриваясь, казалось, видел в моих глазах, в глубине моей души далекую картину – знакомый и любимый тенистый тротуар от церкви Мадлен до улицы Друо.

– Вы знаете Бутреля?

- Да, конечно.
- Он очень изменился?
- Да, совсем поседел.
- А Ла Ридами?
- Все такой же.
- А женщины? Расскажите мне о женщинах. Вы знаете Сюзанну Верне?
- Да, она очень располнела, ее песенка спета.
- Да? А Софи Астье?
- Умерла.
- Бедняжка! А скажите... вы... вы знаете...

Но тут он внезапно замолчал. Затем, сразу побледнев, продолжал дрогнувшим голосом:

- Нет, я лучше не буду говорить об этом. Это слишком волнует меня.

И он встал, как бы желая переменить ход мыслей.

- Хотите, вернемся в дом?
- Ничего не имею против.

Он пошел впереди меня.

Комнаты нижнего этажа были огромные, голые, угрюмые и казались заброшенными. На столах в беспорядке стояли тарелки и стаканы, оставленные там смуглолицыми слугами, непрерывно сновавшими по этому обширному жилищу. На стене висели два ружья, а по углам виднелись сухие пальмовые листья, лопаты, удочки и всякие другие вещи, которые как попало бросают, приходя домой, чтобы в случае нужды иметь их под рукой, уходя.

Мой хозяин улыбнулся.

- Это – жилище, или, вернее, конура, изгнанника, – сказал он.
- Но в моей спальне все-таки чище. Пройдемте туда.

Войдя в эту комнату, я подумал, что попал в лавку старьевщика, – столько в ней было странных нескладных, разношерстных вещей, которые можно хранить только ради воспоминаний. На стенах висели два прекрасных рисунка известных художников, ткани, оружие, шпаги, пистолеты и на самом виду посреди главного панно – кусок белого атласа, вставленный в золотую раму.

Я с удивлением приблизился и увидел, что в самом центре блестящего квадрата воткнута шпилька.

Мой хозяин положил мне руку на плечо.

– Вот единственная вещь, – проговорил он с улыбкой, – на которую я здесь смотрю, и единственная, которую я замечаю здесь в течение десяти лет. Прюдом сказал: «Эта сабля – лучший день моей жизни». Я же могу сказать: «Эта шпилька – вся моя жизнь».

Я искал банальных слов для ответа и в конце концов произнес:

– Вы пострадали из-за женщины?

Он перебил меня:

– Скажите лучше, что страдаю непрерывно... Но пойдете на балкон. У меня за обедом чуть не сорвалось с языка имя, которое я не решился назвать, потому что если бы вы ответили мне, как про Софи Астье, «умерла», я сегодня же покончил бы с собой.

Мы вышли на широкий балкон, с которого были видны два обрамленных высокими серыми скалами залива, – один направо, другой налево, был сумеречный час, когда солнце, опустившись за горизонт, освещает землю только отсветами неба.

Он продолжал:

– Жанна де Лимур жива?

И его взгляд устремился на меня с трепетной тревогой.

Я улыбнулся.

– Черт возьми!.. Она стала еще красивее, чем раньше.

– Вы ее знаете?

– Да.

Он колебался.

– Очень близко?

– Нет.

Он взял меня за руку.

– Расскажите о ней.

– Но мне нечего рассказывать; она одна из самых очаровательных парижских женщин, или, вернее, «девиц», и весьма высоко котируется. Она живет роскошно, прямо-таки по-княжески. Вот и все.

Он пробормотал: «Я люблю ее», как сказал бы «Я умираю», и внезапно у него прорвалось:

– Да, три года длилась моя страшная и чудесная жизнь с нею.

Пять или шесть раз я чуть не убил ее, она же чуть не выколола мне глаза шпилькой, которую вы только что видели. Вот взгляните на это белое пятнышко у меня на левом глазу. Мы любили друг друга! Как объяснить вам эту страсть? Боюсь, что вы не поймете ее.

Вероятно, существует простая любовь, взаимное влечение двух душ и двух сердец, но существует, конечно, и жестокая, неумолимо мучительная любовь – нерасторжимое слияние двух непохожих людей, которые обожают и в то же время ненавидят друг друга.

Эта женщина в три года разорила меня. У меня было четыре миллиона, которые она съела спокойно и безмятежно, проглотила с неизменной улыбкой глаз и губ.

Вы знакомы с ней? В ней есть что-то неотразимое! Что именно? Не знаю. Может быть, ее серые глаза, взгляд которых впивается в вас, как бурав, и застревает, как острие стрелы? Нет, вернее, ее нежная, равнодушная и соблазняющая улыбка, которая, как маска, не сходит у нее с лица. Ее медлительная грация постепенно пленяет вас, струясь, подобно аромату, от ее стройного стана, чуть покачивающегося при ходьбе, – потому, что она не идет, а словно скользит, – от ее красивого, слегка певучего голоса, который кажется музыкой, от ее улыбки и от ее жестов, всегда размеренных, всегда точных и опьяняющих – до того они гармоничны. Три года я ничего не видел на свете, кроме нее! Как я страдал! Ведь она обманывала меня с кем угодно! Для чего? Ни для чего – просто, чтобы обмануть! А когда я узнавал об этом, когда я ругал ее уличной девкой и потаскухой, она спокойно признавалась во всем. «Разве мы обвенчаны?» – спрашивала она.

С тех пор, как я живу здесь, я столько думал о ней, что в конце концов понял ее: эта девушка – возродившаяся Манон Леско. Это Манон, которая не может любить, не обманывая, это Манон, для которой любовь наслаждение и деньги всегда слиты воедино.

Он помолчал несколько минут, затем продолжал:

– Когда я истратил на нее последнее су, она откровенно сказала мне: «Ну, милый мой, я не могу питаться воздухом. Я вас очень

люблю, люблю больше, чем кого бы то ни было, но ведь жить-то нужно. А нищета и я не можем ужиться вместе».

Я ведь уже говорил вам, какое ужасное существование вел с нею! Когда я глядел на нее, мне одинаково хотелось и убить ее и поцеловать. Глядя на нее... я чувствовал бешеную потребность раскрыть объятия, стиснуть и задушить ее. В глубине ее глаз было что-то вероломное и неуловимое, внушавшее мне отвращение; и за это, может быть, я так и любил ее. Женственное начало, отталкивающее и сводящее с ума, женственное начало было в ней сильнее, чем в какой-либо другой женщине. Она была полна, переполнена им, и оно исходило из нее пьянящим и ядовитым флюидом. Она была Женщиной более, чем кто-либо и когда-либо.

И знаете, когда я выходил с нею, она смотрела на всех встречных мужчин такими глазами, как будто взглядом отдавалась каждому из них. Это приводило меня в отчаяние, но еще больше привязывало к ней. Когда эта тварь шла по улице, она уже принадлежала всем, вопреки моему и вопреки ее собственному желанию, ибо такова была ее природа, хотя с виду она была скромна и кротка. Понятно ли вам это?

Какая это была мука! В театре, в ресторане – всюду мне казалось, что ею обладали на моих глазах. И действительно, как только я оставлял ее одну, другие обладали ею.

И вот: я не видел ее десять лет, но люблю ее больше, чем когда-либо раньше!

Ночь опустилась на землю. Воздух был напитан запахом апельсиновых деревьев.

Я спросил:

– Вы еще увидите с нею?

Он ответил:

– Черт возьми, конечно! У меня сейчас наличными и в недвижимом имуществе от семисот до восьмисот тысяч франков. Когда мой капитал округлится до миллиона, я все продам и уеду. Этого вполне хватит на год жизни с нею – на целый год! А там прощай. Моя жизнь будет кончена!

Я спросил:

– Ну, а потом?

– Потом? Не знаю. Все будет кончено! Может быть, я попрошусь к

ней в лакеи.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 13 августа 1885 года под псевдонимом Мофриньёз.

Прюдом – имеется в виду Жозеф Прюдом, сатирический образ французского буржуа, созданный Анри Монье (1799 – 1877).

Манон Леско – героиня романа французского писателя аббата Прево (1697 – 1763) «История Манон Леско и шевалье де Грие», изданного в 1731 году.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод Н. Костовской Некаýalar